

ДМИТРИЙ ВОДЕННИКОВ

1997 №27

Дмитрий Воденников родился в 1968 году в Москве. Закончил Московский педагогический государственный университет. Преподавал в школе русский язык и литературу. В настоящее время работает на радио "Россия", ведет программу "Своя колокольня", посвященную

* * *

Ах, жадный, жаркий грех, как лев, меня терзает.
О! матушка! как моль мою он скушал шубку,
а нынче вот что, кулинар, удумал:
он мой живот лепной, как пирожок изюмом,
безумье медленным и сладким набивает
и утрамбовывает пальцем не на шутку.

О матушка! где матушка моя?

Отец мне говорит: Данила, собирайся,
поедем на базар, там льва степного возят,
он жаркий, жадный лев, его глаза сверкают -
я знаю, папа, как они сверкают -
я вытрясаю кофту в огороде:
вся кофта съедена, как мех весной у зайца,
я сам как заяц в сладком половодье.

О матушка! где матушка моя?

А ночью слышу я, зовут меня: Данила,
ни меда, ни изюма мне не жалко,
зачем ты льва прогнал и моль убил, Данила? -
так источается густой, горячий голос.
Я отвечаю: мне совсем не жарко,
я пирожок твой с яблочным повидлом.
А утром говорит отец: Пойдем в Макдональдс.

О матушка! где матушка моя?

Однажды сон сошел: солдат рогатых рота,
и льва свирепого из клетки выпускают,
он приближается рычащими прыжками,
он будто в классики зловещие играет,
но чудеса! - он, как теленок, кроток:
он тычется в меня, я рот его толкаю
смешными беззащитными руками,
глаза его как желтые цветочки,
и ослепляет огненная грива.

Но глухо матушка кричит из мягкой бочки:
Скорей проснись, очнись скорей, Данила.

И я с откусанным мизинцем просыпаюсь.

* * *

О кто бы мог еще глядеть
такими бедными овечьими глазами
на это прорастающее пламя,
на пастуха, идущего стеречь,
на голубен с овечками и небесами.

Течь в голове у голубой овцы,
а волк не видит синий и зеленый,
но за версту он чует сладкий, красный,
ведь у овцы не только огурцы,
не только синий василек беззлобный -
есть у овцы под маской и внутри
сладко-бордовый помидор огромный.

Она глотает воздух, воду, луг,
и в животе они лежат слоями,
но адское не потухает пламя,
и вот, как беженка, овца глядит вокруг
и видит пастуха, лазоревых подруг.
Что делать ей? Со лживыми глазами
она их лижет мукою своей
и слизывает словно карамель.

Ах, тварь какая! Нет, она не тварь.
Она растет, как праздничная сдoba,
она, пущистая, вдруг зацветает вербой,
в ее глазах безумие, не злоба,
Хотела быть прозрачной и смиренной,
но не хотела: красной и съедобной,
и ты ее за это не ударяй.

Она к тому же не ест уже, не пьет,
зато чадит вокруг себя миазмы,
и первой тут зазеленела травка.

современному искусству. Стихи публиковались в альманахе "Lettres russes" (на французском языке), в "Митином журнале", журналах "Знамя", "Арион", вестнике молодой литературы "Вавилон" и других изданиях. Автор книги стихотворений "Репейник" (1996).

Но что же делать? - Рядом волк цветет,
он - жук навозный, он рычит как шавка,
он красные не забывает язвы -
она очнется - он ее сожрет.

ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ НЕМЕЦКОЙ ПРИНЦЕССЫ
СОФИИ ФЕДЕРИКИ АВГУСТЫ

О матушка - императрица!
Нет никакой возможности остаться
как мухи мрут, как вошки мрут арийцы
Чем русские тебе не пара, цаца?
Но Васеньке нет силы наклониться
Ну не с империей же, Васенька, стесняться

О бедный желтый мой императрикс!
Судьба, как лекарь, смотрит нерадиво
а ты, напичкана полком, как черносливом,
сама ж белеса, будто сардоникс

Но никому из них ее не хватит славы,
чтобы накрыть, как пирогом, собой
она огромна так, что ничего не видно
И как не стыдно, муттер, быть двуглавой,
когда ему довольно и одной?

А рок весной, как карамелька, слаще
ее сосешь, а он тебя не любит
Но дни бывают, чем слюда, прозрачней
и где прозрачней, тем быстрее губят

Ведь сколько их лежит - под нами - мертвцевов
как палочки, с скрещенными руками
(наверное, они подобны ледникам)
Но кто ее потопчет башмаками
и можно ли вообще стране топтать лицо,
когда ты не был меж ее ногами?

О бедный желтый мой императрикс!
о матушка-императрица!
нет никакой возможности вернуться
теперь сама, соленая, борись
Но Васенька так хочет обернуться,
как будто можно прахом насладиться
Прах убивает нас, как василиск.

* * *

Сам себе я ад и рай, и волк, и заяц черный.
Не пестро ли этим синим глазкам?
Не пестро - он говорит - не больно,
не больно - скромный говорит - и не думай.
Сам же вертится, как черт белокурий,
так и вертесь, когда под Пасху
поселился во мне пришли лисица,
петух и кот, кот и петух, кот и лисица.
Уж и гнули они меня и лапами били сухими,
но зато теперь никто меня не покинет.

Ни петух, ни кот, ни заяц, ни волк нетленный,
ни петух, ни кот, ни лисица Андревна.

Ах, ты лисонька лиса, бледская морда,
ах, ты петушок, пидерас, веселая тушка,
ах, ты волк-щелкун, ах, ты заяц ушлый,
ах, ты кот-певун, дюже умный, гордый -
были вы мне женою, сестрою и мужем.

Ой ли, ай ли! - пошел я кофий пить в своем безумье,
и вдруг котофей Гога исчез, загордясь грудью,
и зачем он, приблуда, исчез, или умер совсем - не знаю
но кота такого уже у меня не будет.

Но зато остались у меня лиса да петел,
волк да заяц, заяц да волк, лиса да Петя.

Ах, ты лисонька лиса, бледская морда,
ах, ты петушок, орун, веселая тушка,
ах, ты волк, щелкун, ах, ты заяц - пушная торба,
.....
были вы мне женою, сыном и мужем.